

Трибуна молодых ученых

Фан Тинтин*

Энергетическая политика КНР на современном этапе

Одним из важнейших факторов современного мирового развития является стремительный рост энергопотребления в восходящих странах-гигантах, в первую очередь в Китае. Обеспечение энергетической безопасности становится приоритетным компонентом стратегии развития КНР и ее политики на международной арене. В статье рассматриваются подходы китайского руководства к проблеме энергетической безопасности, выделяются основные направления внутренней и внешней энергетической политики КНР на современном этапе, раскрывается содержание стратегии «выхода за пределы». Особое внимание уделено анализу энергетической дипломатии КНР в различных регионах мира, включая Северо-Восточную Азию, где главным приоритетом является развитие сотрудничества в энергетической сфере с Российской Федерацией.

Ключевые слова: Китай, энергетическая политика, энергетическая безопасность, энергетическая дипломатия, энергетическое сотрудничество, диверсификация источников энергоресурсов, стратегия «выхода за пределы».

A fast growth in energy consumption in China and other countries known as emerging giants is now perceived to be one the most important factors in global development. Ensuring energy security has become a key component in China's development strategy and foreign policy. The article examines the approaches of the Chinese leadership to energy security issues. It identifies the main dimensions of the current internal and external energy policy of PRC, and emphasizes the role of the «going abroad» strategy. Special attention is paid to the analysis of Chinese energy diplomacy in different regions including North-East Asia, where the key priority is strengthening energy cooperation with Russian Federation.

Keywords: China, energy policy, energy security, energy diplomacy, energy cooperation, diversification of energy sources, «going abroad» strategy.

* Фан Тинтин — аспирантка кафедры региональных проблем мировой политики факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: fangtingting09@mail.ru).

Стремительное восхождение Китая как глобальной державы является сегодня одной из самых обсуждаемых тем в научно-экспертном сообществе. Ученые ведут оживленные дискуссии относительно специфики китайской модели развития; отработывают различные сценарии участия КНР в глобальном управлении и взаимодействия с другими ведущими мировыми державами, международными организациями, интеграционными объединениями; пытаются предсказать долгосрочные последствия восхождения Китая для системы международных отношений в целом. Особое место в этих дискуссиях занимает проблема нехватки ресурсов и роста энергопотребления в Китае, которая с каждым годом становится все более острой.

По данным Национального энергетического бюро КНР, в 2009 г. производство нефти в стране достигло 189 млн тонн, а импорт — 199 млн тонн. Иными словами, Китай импортировал более половины нефти от общего объема. К 2020 г., по самым скромным подсчетам, страна будет вынуждена импортировать 240 млн тонн нефти в год¹. Согласно прогнозу ООН, рост ВВП Китая в 2010 г. составит 8,8%. Ожидается, что восстановление экономики КНР в 2010 г. потребует увеличения энергопотребления, а это значит, что импорт нефти также может стать рекордным.

В этих условиях проблема обеспеченности энергоресурсами становится не только основополагающим фактором внешней политики и концепции безопасности КНР, но и предметом серьезной обеспокоенности со стороны мирового сообщества.

Это вполне закономерно. После первого «нефтяного шока» в 1973—1974 гг. энергетический фактор стал играть в международных отношениях не меньшую роль, чем военный. Энергетическая политика и энергетическая дипломатия вошли в число неотъемлемых элементов внешнеполитической стратегии ведущих государств, а энергетическая безопасность — в число центральных компонентов международной безопасности. Интенсификация процессов глобализации придала данной проблеме новое измерение. В условиях усиления взаимозависимости ни одна страна, даже самая крупная и экономически мощная, не может самостоятельно обеспечить свою национальную энергетическую безопасность, поэтому чрезвычайно актуальным становится международное сотрудничество в этой сфере, как на региональном, так и на глобальном уровне.

В настоящее время в отечественной и зарубежной литературе существует большое количество работ, посвященных роли энергетического фактора в современной мировой политике, и подавляющее большинство исследователей сходятся во мнении, что эту роль

¹ Расчет произведен на основании данных BP Statistical Review 2008.

невозможно переоценить. Так, например, В.И. Салыгин и А.В. Сафарян утверждают, что энергоресурсы, прежде всего нефть, превращаются в своего рода индикатор уровня политико-экономического взаимодействия между государствами и в серьезный внешнеполитический инструмент [10, с. 382]. М. Колон описывает роль нефти и ее транспортировки на международной арене как детерминант поведения государства и основную причину международных конфликтов [5, с. 4—6]. Председатель Кембриджской энергетической исследовательской ассоциации Дэниел Ергин считает, что история войн в XX в. в определенном смысле является историей конкуренции за энергоресурсы [32, р. 6].

Основная цель энергетической политики — обеспечение энергетической безопасности. С глобальной точки зрения термин «энергетическая безопасность» включает надежное обеспечение мировой экономики разнообразными видами энергии по доступным ценам с минимальным ущербом для окружающей среды. Однако различные страны по-разному трактуют данное понятие применительно к своим условиям, что находит отражение в научной литературе, в которой можно выделить два ключевых подхода.

Первый сводится к анализу энергетической безопасности с позиций стран-экспортеров энергоресурсов. В наибольшей степени этот подход прослеживается в работах российских ученых [3; 4]. Для государств этой категории энергетическая безопасность связана с наличием достаточного количества разведанных запасов энергоресурсов и возможностей их добычи, а также инвестиций и технологий для их разработки. Иными словами, эти страны главный упор делают на поддержание «стабильности спроса» на экспорт энергоресурсов, который в конце концов обеспечивает преобладающую долю их государственных доходов.

Второй подход ставит в центр анализ позиций стран-импортеров энергоресурсов. Такое направление представлено в работах ученых Китая, США и стран Евросоюза. В их трудах энергетическая проблематика вписана в контекст национальной безопасности, причем под энергетической безопасностью понимается безопасность поставок энергии и стабилизация топливно-сырьевого сектора мирового хозяйства [26, р. 223].

В контексте всего сказанного анализ энергетической политики и дипломатии Китая имеет большое значение для понимания новой структуры взаимосвязей в мире, обусловленных стремительным восхождением КНР.

Сегодня внешняя политика Китая, на наш взгляд, состоит из трех основных элементов: дипломатическое сотрудничество с великими державами (Даго вэйцзяо), поддержание хороших отношений с «добрыми соседями» или периферийными странами

(Чжоубянь вэйцзяо) и проведение энергетической дипломатии (Нэнюань вэйцзяо) [28, р. 12]. Последняя является новейшим из трех элементов внешней политики и направлена на обеспечение Китая энергетическими и другими природными ресурсами для программы модернизации страны [24, р. 196—197].

По мнению Цзян Цзэминя (бывшего председателя КНР), в настоящее время в Китае существуют три энергетические проблемы. Во-первых, страна обладает богатыми и разнообразными энергетическими ресурсами, однако занимает первое место в мире по численности населения, поэтому уровень потребления энергии на душу населения ниже средних мировых показателей. В последние годы энергетическое строительство непрерывно укрепляется, однако в Китае энергетическая эффективность очень низкая. Во-вторых, вследствие быстрого роста энергетического производства в стране влияние на окружающую среду усиливается (в структуре энергопотребления Китая доминирует уголь). В-третьих, спрос на энергию в КНР продолжает расти, устойчивое социально-экономическое развитие постоянно сталкивается с вызовами (с 1993 г. Китай стал нетто-импортером сырой нефти) [14, с. 341—343].

В связи с этим, как считает китайский исследователь Пань Чжунци, энергетическая безопасность касается не только китайского экономического развития, но и политической безопасности и международного статуса КНР. При формулировании стратегии энергетической безопасности Китаю следует исходить из анализа безопасности потребления, безопасности поставок и транспортировки энергоресурсов [8, с. 38].

Таким образом, в настоящее время перед Китаем стоят следующие проблемы: во-первых, для всего региона Северо-Восточной Азии характерны нехватка энергоснабжения и общность подходов к решению задачи обеспечения энергоресурсами, поэтому в сфере энергетики страны СВА не только сотрудничают, но и соперничают; во-вторых, большая доля импортной нефти приходит в Китай из политически нестабильных стран Ближнего Востока и Северной Африки; в-третьих, значительная часть нефти доставляется в КНР морским путем, а способность китайских военно-морских сил обеспечить транспортировку энергоресурсов на сегодняшний день лимитирована [8, с. 38—39].

Руководство КНР осознает ограниченность внутренних нефтяных ресурсов и опасность попадания в зависимость от импорта, а также экологические последствия дальнейшего использования угля, поэтому старается придерживаться политики диверсификации, в которой выделяет два направления — внутреннее и внешнее.

Внутреннее направление энергетической политики КНР включает следующие компоненты: во-первых, развитие газовой отрасли,

атомной энергетики и альтернативных видов энергии в целях диверсификации источников и улучшения экологической обстановки; во-вторых, создание стратегического нефтяного резерва и повышение эффективности использования энергии; в-третьих, внедрение технологий чистого угля для оптимального использования внутренних запасов данного топлива; в-четвертых, углубление рыночных реформ в отрасли [7, с. 23—26].

Во внешней энергетической политике КНР, как и другие страны-экспортеры, стремится к тому, чтобы максимально диверсифицировать источники импорта нефти, однако эта цель не является единственной. По мнению китайских экспертов, в условиях постепенного истощения старых нефтепромыслов и пока еще неясных перспектив освоения резервных месторождений, требующих дополнительной разведки и существенных капиталовложений, возможным решением проблемы поставок нефти на внутренний рынок может стать поощрение деятельности китайских нефтегазовых концернов по освоению зарубежных углеводородных ресурсов с привлечением китайской техники, оборудования, строительных материалов и рабочей силы. Данная идея, весьма популярная в Китае, известна как стратегия «выхода за пределы» («Цзоу Чу Цюй»). Ее цель — усиление контроля над зарубежными поставщиками энергоносителей и ценами на нефть.

Стратегия «выхода за пределы» проявляется прежде всего в активной региональной энергетической политике КНР, которая ведется по широкому кругу направлений.

Ближний и Средний Восток, Северная Африка. Китайские ученые уделяют основное внимание этому направлению, так как данный регион имеет стратегическое значение для будущего энергетической безопасности КНР. Как говорится в статистическом обзоре по мировой энергетике компании ВР, на этих территориях сосредоточено 59,9% мировых доказанных запасов нефти и 41% мировых доказанных запасов природного газа. Основные запасы нефти расположены на территориях Саудовской Аравии (21% мировых доказанных запасов), Ирана (10,9%), Ирака (9,1%), Кувейта (8,1%) и Объединенных Арабских Эмиратов (7,8%). Крупнейшими обладателями природного газа являются Иран (16% мировых запасов) и Катар (13,8%) [16]. Этим в первую очередь обусловлена зависимость Китая от ближневосточной нефти.

КНР не только импортирует сырую нефть и нефтепродукты из данного региона, но и экспортирует китайский капитал для инвестирования в нефтедобывающие и нефтеперерабатывающие отрасли стран Персидского залива в рамках стратегии «выхода за пределы». В то же время страны Персидского залива активно инвестируют в разведку труднодоступных месторождений и рекон-

струкцию нефтеперерабатывающих предприятий Китая для того, чтобы сохранялся стабильный спрос на нефть на китайском рынке. Такие «классические симбиотические отношения» [26, р. 1] не только способствуют развитию двустороннего энергетического сотрудничества, но и углубляют зависимость Китая от ближневосточной нефти. По некоторым оценкам, к 2020 г. до 90% китайского импорта нефти будет поступать с Ближнего и Среднего Востока, политика КНР в данном регионе диктуется необходимостью обезопасить морские транспортные пути, по которым эти поставки будут осуществляться [13, с. 149, 244—245]. По мнению китайского профессора У Лэя, нефтяной вопрос как основной аспект энергетической безопасности Китая тесно связан в первую очередь с проблемой ближневосточной нефти [11, с. 30].

Восточная и Западная Африка. Стратегия «выхода за пределы» широко применяется китайскими корпорациями в отношении не только стран Персидского залива, но и нефтедобывающих стран Восточной и Западной Африки, с которыми у Китая исторически сложились тесные дипломатические связи. Стоит подчеркнуть, что у нефти из Африки есть три примечательных особенности: во-первых, сырая нефть Африки, особенно сырая нефть Западной Африки с низким содержанием серы, подходит для обработки и переработки в Китае, поэтому имеет особое стратегическое значение; во-вторых, Африка в целом экспортирует больше энергоресурсов, чем потребляет; в-третьих, в отличие от стран Ближнего Востока и Латинской Америки, в которых нарастает фактор «ресурсного национализма» [22, р. 443—444], большинство африканских стран приветствуют международные инвестиции в разведку месторождений, нефтедобывающие и нефтеперерабатывающие отрасли. Стремясь сократить зависимость от импорта ближневосточной нефти и диверсифицировать источники поступления энергоресурсов, китайское правительство поощряет вложение капитала в нефтедобывающие промыслы и нефтеперерабатывающие предприятия Судана, Нигерии, Анголы, Габона, Чада и Экваториальной Гвинеи. Инвестиции Китая в энергетический сектор Африки не только способствуют развитию энергетической промышленности и экономики этого региона, но и обеспечивают международную энергетическую безопасность [12, с. 53—54].

Латинская Америка. Инвестиционные интересы китайских корпораций распространяются не только на страны Африки, но даже на такие удаленные регионы, как Латинская Америка. Сегодня многие американские ученые внимательно изучают присутствие Китая в этой зоне, поскольку США рассматривают энергетические ресурсы южной части американского континента в качестве своего «резервного фонда» для обеспечения потребностей собственной

экономики. Американские эксперты считают, что помимо энергетического интереса в Китае существует также и политическая основа расширения экономических и торговых отношений со странами Латинской Америки, в которой находятся 12 из 25 стран², по-прежнему поддерживающих дипломатические отношения с Тайванем [21, p. 4].

Юго-Восточная Азия. В силу географических и исторических причин этот регион раньше всего начал осваиваться китайскими нефтяными корпорациями. Основным предметом их интереса остаются еще не разведанные залежи углеводородного сырья в Южно-Китайском море, так как с точки зрения обеспечения энергетической безопасности Китая проблема установления контроля над южной частью данной акватории обусловлена не только геоэкономическими, но и геополитическими соображениями. Этот район привлекает китайских стратегов наличием значительных запасов углеводородного сырья и своим ключевым расположением на путях следования нефтяных танкеров, осуществляющих поставки нефти из Персидского залива в страны Восточной Азии. Архипелаг Наньша наряду с узкими проливами Баб аль-Мандаб, Малаккским и Тайваньским является одной из потенциальных «опасных зон», где любое случайное происшествие, не говоря уже о вооруженном конфликте, может обернуться срывом нефтяных поставок в страны региона [13, с. 149]. Кроме того, китайское правительство не устраивает тот факт, что ВМС США доминируют на морских коммуникациях, простирающихся от Персидского залива до Южно-Китайского моря, через которые проходит основной объем нефтяного импорта Китая [19, p. 45]. Таким образом, политика КНР в данном регионе диктуется необходимостью обезопасить морские транспортные пути, по которым эти поставки будут осуществляться.

Центральная Азия. Эксперты уделяют повышенное внимание этому направлению, поскольку Центральная Азия — это место постоянных противоречий, особенно в российско-американских, китайско-американских и российско-китайских отношениях. События 11 сентября 2001 г. внесли изменения в международную ситуацию, в том числе привели к обострению глобального соперничества за источники энергоресурсов. В мире укрепилась уверенность, что на Среднем Востоке возможна длительная полоса потрясений и нестабильности, а это критически важно для региона, являющегося главным мировым поставщиком источников энергии [33, p. 144]. Энергетические ресурсы Центральной Азии важны

² Такими странами Латинской Америки являются Панама, Никарагуа, Гондурас, Сальвадор, Гватемала, Белиз, Гаити, Доминиканская Республика, Сент-Китс и Невис, Сент-Люсия, Сент-Винсент и Гренадины, Парагвай.

для Китая в нескольких отношениях. Во-первых, эти страны могут поставлять значительную часть импортируемой Китаем нефти. Во-вторых, использование центральноазиатских энергоресурсов позволит КНР диверсифицировать источники и улучшить структуру импорта. В настоящее время страна получает около 50% импортируемой нефти со Среднего Востока и еще около 20% — из Африки. Таким образом, Китай в этой сфере более чем на 70% зависит от этих двух регионов [29, р. 26]. В условиях нынешней и потенциальной политической нестабильности Среднего Востока и Африки, а также потенциальной политической уязвимости дальних морских перевозок такая зависимость явно чрезмерна и слишком рискованна. В данном случае доставка нефти и газа по трубопроводам представляется наиболее рациональной и привлекательной для Китая альтернативой. Центральная Азия является одним из регионов, способных помочь Китаю в решении этой задачи.

Северо-Восточная Азия. Особую значимость для КНР представляет энергетическое сотрудничество с Россией — государством-партнером по стратегическому взаимодействию и одним из крупнейших в мире производителей и экспортеров энергоресурсов. Как отмечает известный китайский политолог Ся Ишань, «после окончания “холодной войны” сложились благоприятные условия для налаживания отношений между Россией и Китаем по всем азимутам, в том числе в области энергетического сотрудничества» [31, р. 6], которое имеет, по мнению исследователей, целый ряд объективных преимуществ как для России, так и для КНР. Во-первых, российско-китайское сотрудничество в энергетической области опирается на политические договоренности о стратегическом взаимодействии в XXI в. Во-вторых, транспортировка ресурсов может осуществляться по трубопроводам напрямую из России в Китай, минуя территории третьих стран, что позволит снизить конечную стоимость продукции. В-третьих, политическая и военная обстановка в районах предполагаемого прохождения трубопроводов характеризуется как стабильная, что снижает риски и расходы на обеспечение безопасности по маршруту. На этом фоне каспийская нефть становится менее привлекательной, ведь регион постепенно превращается в зону конфронтации между целым рядом государств, что ставит под сомнение надежность поставок топлива [31, р. 6—9].

Несмотря на то что российско-китайское сотрудничество в энергетической сфере имеет очевидные выгоды для обеих стран, на практике существует немало проблем. Как китайские [15, с. 65—66], так и японские ученые [27, р. 9] указывают на внутренние российские факторы, связанные с обострением проблемы «китайской угрозы» в российском обществе. Наиболее шумевшим и слож-

ным для обеих сторон стал вопрос о строительстве нефтепровода из российского Ангарска в китайский Дацин. Однако надо отметить, что 17 февраля 2009 г. в Пекине российские компании «Роснефть» и «Транснефть» подписали с Китайской национальной нефтегазовой корпорацией (CNPC) и Банком развития Китая пакет долгосрочных соглашений в рамках российско-китайского энергетического диалога. Российские компании привлекли 20-летние кредиты от Банка развития Китая: «Роснефть» — 15 млрд долл., «Транснефть» — 10 млрд долл. Обе компании также подписали с CNPC 20-летний контракт на поставку нефти в КНР в объеме 15 млн тонн в год. Нефть в Китай будет поставляться по ответвлению трубопровода «Восточная Сибирь — Тихий океан» от Сковородино до Дацина, которое будет сооружено силами АК «Транснефть» и китайских строительных организаций. Это соглашение будет способствовать дальнейшему укреплению российско-китайского сотрудничества.

* * *

Проведенный анализ позволяет глубже взглянуть на то, как формируется энергетическая политика Китая и как соображения национальной безопасности влияют на выработку его энергетической дипломатии. В целом стратегия КНР по обеспечению своей энергетической безопасности на современном этапе сводится к двум основным направлениям: 1) повышение эффективности использования энергии, привлечение инвестиций для увеличения производительности иссякающих нефтепромыслов и освоения труднодоступных резервных месторождений внутри страны; 2) диверсификация источников энергоресурсов и установление контроля над углеводородными запасами других стран путем активного участия национального капитала в разведке и освоении нефтяных месторождений.

Основой энергетической дипломатии китайского руководства на современном этапе является укрепление сотрудничества в энергетической сфере со странами Среднего Востока, Центральной Азии и Россией. Кроме того, в рамках национальной стратегии «выхода за пределы» китайские корпорации активно участвуют в реализуемых этими странами проектах по разведке, добыче и транспортировке углеводородного сырья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Воскресенский А.Д.* «Большая Восточная Азия»: энергетические аспекты международных отношений и безопасности // Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии. М.: МГИМО, 2007. С. 22—47.

2. *Дяо Сюхуа*. Китайско-российская энергетическая безопасность и сотрудничество между странами (на кит. яз.) // Форум Северо-Восточной Азии (на кит. яз.). 2007. № 6. С. 47—52.
3. *Ефремова К.А.* Региональные направления энергетической дипломатии КНР // Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии. М.: МГИМО, 2007. С. 715—752.
4. *Жизнин С.З.* Внешняя энергетическая политика России. М., 2005.
5. *Колон М.* Нефть, PR, война: глобальный контроль над ресурсами планеты. М., 2002.
6. *Котлов М.В.* Концепция нефтяной безопасности КНР // Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии. М.: МГИМО, 2007. С. 699—714.
7. *Линь Боцянь*. Думая об энергетической политике Китая (на кит. яз.). Пекин, 2009.
8. *Пань Чжунци*. Энергетическая безопасность Китая в геополитике (на кит. яз.) // Исследование мировых вопросов (на кит. яз.). 2004. № 11. С. 34—39.
9. *Прошин В.Н.* Межгосударственные энергетические институты. М., 2005.
10. *Салыгин В.И., Сафарян А.В.* Энергетические проблемы в мировой политике // Современные международные отношения и мировая политика. М., 2005. С. 381—407.
11. *У Лэй*. Думать о развитии энергетических отношений между Китаем и Средним Востоком (на кит. яз.) // Исследование арабского мира (на кит. яз.). 2007. № 1. С. 29—35.
12. *У Лэй, Лу Гуанишэн*. Думать о проблеме развития энергетических отношений между Китаем и Африкой (на кит. яз.) // Мировая политика и экономика (на кит. яз.). 2008. № 9. С. 52—58.
13. *У Лэй*. Нефтяная безопасность Китая (на кит. яз.). Пекин, 2003.
14. *Цзян Цзэминь*. Думая об энергетической проблеме Китая (на кит. яз.) // Вестник Университета Шанхай. 2008. № 3. С. 345—359.
15. *Чжан Цзяньжун*. Вопрос о китайско-российском энергетическом сотрудничестве и его влиянии на Китай (на кит. яз.) // Общественные науки (на кит. яз.). 2006. № 1. С. 59—69.
16. BP Statistical Review of World Energy. June 2009.
17. *Brookes P., Shin H.* China's Influence in Africa: Implications for the United States // Backgrounder (Published by The Heritage Foundation). № 1916. 22 February 2006.
18. *Delamer R., Goldstein J., Malena E., Porn E.* Chinese Interests in Latin America, Latin American Security Challenges / Ed. by Paul D. Taylor, Naval War College. Newport, 2004.
19. *Downs S.* Implications of China's Energy Security Activities // China's Quest for Energy Security. Santa Monica: Rand, 2000, P. 43—52.
20. *Dreyer J.* U.S.—China Economic and Security Review Commission, Prepared Statement for House International Relations Committee, Subcommittee on the Western Hemisphere, Subcommittee on Africa, Human Rights, and International Organizations, 6 April 2005.
21. *Dumbaugh K., Sullivan P.* China's Growing Interest in Latin America // Congressional Research Service, 20 April 2005.

22. *Goldwyn D.L.* Energy Security: The New Threats in Latin America and Africa // *Current History*. 2006. Vol. 105. № 1695. P. 441—446.
23. *Kang Wu*. China's Energy Interest // *Proceedings of the Conference on Central Asia, Global Terrorism and Asia-Pacific Energy Security*. Honolulu, Hawaii: Asia-Pacific Center for Security Studies. 12—14 February 2003.
24. *Kang Wu, Storey I.* Energy Security in China's Capitalist Transition: Import Dependence, Oil Diplomacy, and Security Imperatives // *China's Emergent Political Economy: Capitalism in the Dragon's Lair*. N.Y.: Routledge, 2007. P. 190—208.
25. *Matthews S.P.* China's New Energy Focus: Strategic Partnership with Saudi Arabia // *Energy Security: Implications for U.S.—China—Middle East Relations*. Rice University: The James A. Baker III Institute for Public Policy, July 2005.
26. *Roberson S.* Ensuring America's Energy Security // *International Organization*. 2003. № 5. P. 221—256.
27. *Shoichi I.* Sino-Russian Energy Relations: True Friendship or Phony Partnership // *Russian Analytical Digest*. 2009. № 73. P. 9—18.
28. *Tang J.* With the Grain or Against the Grain? Energy Security and Chinese Foreign Policy in the Hu Jintao Era. Washington, 2006.
29. *Tian Chunning*. Analysis of China's Oil Import and Export // *International Oil Economy*. 2003. № 3. P. 23—34.
30. *Tian Chunsheng*. Sino-Russian Energy Cooperation and Geo-Strategic Issues // *China & World Economy*. 2005. Vol. 13. № 3. P. 80—91.
31. *Xia Yishan*. China—Russia Energy Cooperation: Impetuses, Prospects, and Impacts. Houston: Rice University Press, 2000.
32. *Yergin D.* The Prize: The Epic Quest for Oil, Money, and Power. N.Y.: Free Press, 2008.
33. *Zhao Huasheng*. Central Asia in China's Diplomacy // *Central Asia: Views from Washington, Moscow and Beijing*. N.Y., 2007. P. 137—214.